

Глава II. Капитуляция генерала Годеда

Когда гидросамолёт с генералом Годедом на борту приземлился на военно-морской базе, ему навстречу для эскорта вышли офицеры, посланные генералом Буррьелем. Годеда встретили радостными приветствиями: «Да здравствует!», что насторожило помощников этой базы — ведь они считали, что восстание являлось «анархистским движением против Республики». Теперь они ясно понимали, что мятеж носил военный и антиправительственный характер, и это побудило их подготовить ответные действия против повстанцев.

Приём Годеда отвечал, скорее всего, обязательному протоколу, нежели энтузиазму, и хотя генерала привлекали такого рода церемонии, на этот раз, какой бы воодушевлённой она ни была, всё равно не смогла бы стереть впечатление Годеда от осмотра с воздуха ситуации в Барселоне.

Команданте Ласаро, начальник генеральского штаба, подошёл на минуту к Годеду и тихо сказал ему на ухо:

— Генерал, думаю, мы попали в ловушку...

— Я знаю. Но я дал слово, и поэтому я здесь.

Пока тихим тоном проходил этот диалог, чётко слышались гул боёв, ружейные выстрелы и пулемётные очереди.

Один из офицеров приблизился к Годеду, чтобы предупредить о том, что дорога к Управлению военного округа представлялась опасной.

Вдали послышался взрыв пушечного снаряда.

— Артиллерия на улицах? — спросил Годед.

— Да, мой генерал, — ответил один из офицеров. — Этим утром выступили несколько батарей, но их захватила толпа.

При таких обстоятельствах командующие сели в бронемашину, доставившую их в Управление примерно в 13:00. Годед, увидев Льяно де Энкомиенда, окружённого офицерами, не смог сдержать гнева:

— Изменник!

— Изменник — ты!

Годед взялся за кобуру пистолета, но вмешался Буррьель: — Ваша измена будет рассмотрена на суде.

Льяно де Энкомиенда саркастически улынулся¹¹.

Присутствие генерала Годеда подняло дух находившихся в Управлении мятежных офицеров. Они надеялись, что знаменитый генерал сотворит чудо, преобразуя провал в триумф. Но у генерала Годеда почти не осталось иллюзий после того, как он узнал о подробностях боёв. Однако генерал питал глубокое презрение к рабочим и не мог смириться с разгромом своей армии. Так, он сам взбодрил себя, думая, что, привлекая на свою сторону Гражданскую гвардию, сможет изменить курс событий. Первым делом он арестовал Льяно де Энкомиенда, а затем связался с генералом Арангуреном, находившимся в Департаменте внутренних дел:

— Генерал Арангурен! — кричит Годед в телефонную трубку. — Вы поступаете в моё распоряжение!

Арангурен ответил:

— Я подчиняюсь только приказам Республики.

Годед выдохнул:

— Генерал, невероятно то, что вы, видя развал Испании, не в состоянии сказать мне что-либо иное!

Арангурен, не теряя спокойствия, спросил у него:

— Но, Годед, против кого вы восстаёте? Против правительства или самого режима?

— Против правительства. Что касается режима, это другое дело, и оно будет решено в подходящий момент.

— Если это так, — сообщил ему Арангурен, — вы должны знать, что с сегодняшнего утра у нас новое правительство.

— Это не новое правительство, — ответил Годед, теряя терпение, — а те же самые партии.

И, изменив едкий тон на любезный, вновь принялся настаивать:

— Подумайте, генерал Арангурен: армия занимает твёрдые позиции — наша победа неизбежна.

— А вам необходимо считаться с истинным положением дел: правительство контролирует положение, и ваш мятеж потерпел полное поражение...

Годед оборвал злобно:

— Это ваше последнее слово, Арангурен?

— Моё последнее слово, Годед.

— Тогда, хотя для нас будет весьма печальным противостоять Гражданской гвардии, но нет другого выхода, генерал Арангурен¹². Выдержка генерала Гражданской гвардии вывела Годеда из себя. Он посмотрел на генерала Льяно де Энкомиенда, мерно шагавшего по огромному залу Управления военного округа, и презрительно бросил:

— Арангурен такой же изменник, как и ты!

Льяно не отреагировал на оскорбление. Буррьель, нервничая, хотел сжаться, чтобы не испытать на себе гнев высокомерного Годеда. Три генерала смотрели друг на друга. Их окружала целая свита полковников и офицеров, которые не знали, что предпринять...

Годед снял телефонную трубку и попросил связать его с полком в Алькантара. Полковник Рольдан, уже знавший о прибытии Годеда, ответил на звонок.

— Это ты, Рольдан? Звоню, чтобы поставить тебя в известность: я принял командование Дивизией и начну операцию отвоевания позиций. Какими силами ты располагаешь?

— В моём подчинении почти полный состав полка... но казарма окружена толпой... Две роты попытались прорваться, но понесли большие потери и не добились цели. Солдаты думают, что мы сражаемся за Республику, но такое положение не может продлиться долго, и только одному Богу известно, что произойдёт, если они узнают, что мы восстали против правительства...

— Жди моих приказов, — ответил Годед.

Команданте Ласаро вновь повторил:

— Я уже вам сказал, генерал: это ловушка...

Его слова напомнили Годеду о гидросамолётах:

— Ласаро, пошли связного на военно-морскую базу с приказом о задержке самолётов...

Капитан Лекуона прибыл с ответом на этот приказ:

— Мой генерал, как только мы покинули базу, самолёты вылетели в Маон.

Часы показывали 14 часов и 45 минут.

— Команданте Ласаро, Вы были абсолютно правы. Нас покинули... — сказал Годед своему помощнику.

Однако генерал не сдавался и вновь вышел на связь с Рольданом:

— Вышли подкрепление в гарнизон артиллерийского арсенала Лос Докс. Выйди во главе этих подразделений и там, на месте, ожидай моих приказов, чтобы выступить вместе с батареей под командованием самого команданте Урсуэ.

Затем, позвонив Урсуэ по телефону, распорядился:

— Команданте Урсуэ, срочно выводите две батареи при поддержке пехоты. Они придут (или уже прибыли) под командованием подполковника Рольдана.

Команданте Урсуэ ответил Годеду:

— Я подчиняюсь вашим приказам, генерал, но я должен довести до вашего сведения о произошедшем сегодня утром, до вашего приезда. Я вышел с двумя полностью укомплектованными батареями и другими, в сопровождении карабинеров для их охраны, но на нас обрушились группы гражданских лиц и Штурмовой гвардии. В результате батарея авангарда попала в руки противника вместе с офицерами, среди них — капитан Варела. Приложив огромные усилия, я смог отвести вторую батарею. Теперь намного сложнее выйти из казармы, так как толпа подняла баррикаду на расстоянии меньше чем сто метров. Оттуда они контролируют главный вход, и в настоящее время мы под сильным обстрелом, потому что люди на баррикадах и других точках узнали о прибытии подкрепления Рольдана. Могу сказать вам: его подразделения прибыли сюда благодаря какому-то чуду... Такова обстановка, генерал...

Годед:

— Оставайтесь на занятых позициях. Посмотрим, возможно ли организовать что-нибудь.

— Покинут всеми, покинут... — повторял Годед.

Льяно с другого конца помещения, окружённый офицерами, сказал: — Разгромлен, что не одно и то же, Годед.

Годед бросил на Льяно уничижающий взгляд:

— Ещё нет, Льяно. Ласаро, — приказал Годед. — Отправь радиотелеграмму Пальме, чтобы выслал нам срочно пехотный батальон и Горную батарею. Другое сообщение — в Сарагосу, запрашивая срочную высылку подкреплений. Свяжись с Матарб и Хероной — пусть направят свои части на Барселону.

Через несколько минут команданте Ласаро прибыл с ответом:

— Генерал, связь по радио прервана... Невозможно связаться с Матарб и Хероной — связи нет...

— Пошли офицера в Матарб — он лично передаст приказ.

Через пять минут посланный в Матарó возвращался в кабинет Годада:

— Невозможно выйти из здания Управления: мы окружены¹³.

В залах Управления атмосфера была невыносимой. «Бодрые» офицеры, ещё утром желавшие расправиться с генералом Льяно, сейчас смотрели на него с неким почтением, как бы намереваясь сгладить напряжённые утренние сцены. Они, не обращая внимания на Годада, неприкрыто перешёптывались. Тот стоял в стороне от групп офицеров и военачальников, разделившихся на два лагеря: одни высказывались за немедленную капитуляцию (среди них — генерал Буррьель), а другие — за сопротивление до конца...

Годад без конца описывал круги по широкому залу, и рядом с ним испуганный команданте Лáсаро продолжал бормотать:

— Ловушка... ловушка...

Приблизительно к полудню того воскресенья революционный энтузиазм невероятно возрос. По мере того, как становилось известно о поражениях военных, толпа на улице увеличивалась — к ней присоединялись даже самые нерешительные. Хотели ли они показать, что тоже присутствовали на поле битвы после того, как миновала опасность? Может быть. Именно такая мысль толкнула на улицы многих, опасавшихся последствий пролетарского триумфа лично для себя. Но в общем масса рабочих, не сделавших ни одного выстрела, чувствовала себя частью победных событий. Люди хотели пережить эти мгновения революционной горячки, принимая участие в великом историческом явлении.

Открылись кафе и рестораны вблизи баррикад. Они превратились в столовые и закулочные, где бойцы могли освежиться после жары и душного воздуха, наполненного пороховыми испарениями.

Проезжали автомобили с надписями «НКТ», информируя людей на баррикадах о превратностях сражений. Говорили, что одна из групп ФАИ, действуя заодно с солдатами, захватила гарнизон в Педральбес — таким образом у защитников появились добротные ружья для скорейшей победы над теми мятежниками, которые всё ещё сопротивлялись.

Эта мгновенно распространившаяся новость была правдой. Анархистская группа из Торассы, в составе которой находился Хосе Пейратс, ближе к вечеру заняла казарму Педральбес, которая стала известна всем под именем «Казарма имени Бакунина». Там создали первый Военный комитет, организуя рабочие милиции. Эта идея вскоре распространилась на другие гарнизоны, переходившие в руки рабочих¹⁴.

В войсках также стало очевидно: революционный пыл возрастал. С дисциплиной было покончено — гвардейцы и рабочие превратились в единый организм и вместе провозглашали: «Да здравствует НКТ! Да здравствует ФАИ!» Имена Дуррути, Аскасо и Гарсии Оливера затмили все другие. Эти активисты находились в самых трудных участках баталий, подставляя свои плечи и воодушевляя бойцов в наиболее опасных местах. Всего лишь несколько часов назад они почти умоляли о выдаче оружия для защитников, и всё безрезультатно. Но теперь НКТ не только располагала сотнями винтовок, пулемётов и

пушек, добытых в бою и вырванных из рук мятежников, но и, кроме того, народ признавал её как заслуженную предводительницу борьбы, вдохновляющую сражения...

В 2 часа дня пополудни все, кто вступил в бой с самых первых моментов, задавали себе вопрос: почему Гражданская гвардия собралась на Дворцовой площади? Была она с народом или против него? Пришло время сделать выбор, и Арангурен должен был распорядиться: «Гражданская гвардия выходит на участок Каталония — Университет с целью восстановить нормальную обстановку»¹⁵. Задача была поручена 19-й Терции под командованием полковника Эскобара. Для выполнения миссии он вышел впереди своих подразделений. Когда колонна тронулась, между первым и вторым командующими, с целью изолировать эти группы, шли подразделения интендантов под началом команданте Нейры, которые, с первых моментов мятежа доказали верность Республике. Колонна продвигалась двумя рядами, открытой линией, прижимаясь к зданиям. Гражданская гвардия продвинулась по Виа Лайетана до Уркинаона, к Площадям Каталонии и Университетской. Рабочие шли по краям колонны, не скрывая своего недоверия. Площадь Каталонии кишела людьми: они расположились на прилежащих улицах и входах в метро. То был момент завершающего штурма. Гражданская гвардия начала жёсткий обстрел, раздались выстрелы пушки портовика Лечи. Пулемёты, установленные в отеле «Колон», косили людской поток, двигавшийся за гвардейцами. Тем временем другие стреляли впереди колонны. Её возглавляли наиболее смелые и сознательные рабочие активисты. Спустя полчаса сражения, в котором победа и поражение чередовались со скоростью мгновений, а площадь покрывалась убитыми, из окон зданий показались первые белые флаги, объявлявшие о капитуляции.

На другом конце площади, между Фонтанелла и Пуэрта-дельАнхель, группы анархистов под началом Дуррути бросились на штурм Телефонной станции, оставляя за собой тела павших в бою, в том числе анархиста Энрике Обрегона¹⁶. Пробивались с огромными усилиями к входу, но когда это удалось, поток бойцов хлынул вовнутрь. Сражение в здании было тяжёлым, но, несмотря ни на что, НКТ взяла штурмом телефонную станцию, и с того момента она контролировалась Рабочим комитетом¹⁷.

Взятие отеля «Колон» и телефонной станции произошло почти одновременно и в обстановке невероятной сумятицы. Гражданская гвардия, наверняка посланная правительством с целью избежать расправы народа над мятежниками, попыталась воспрепятствовать входу рабочих в здание отеля; но её опередила группа ПОУМ под руководством Хосе Ровиры, с утра находившаяся на этом участке боёв: именно она заняла отель¹⁸.

Когда было покончено с очагами сопротивления на Площади Каталонии, военные, державшие оборону в здании Университета, поняв, что любое сопротивление бессмысленно, подняли белый флаг и сдались Гражданской гвардии. После занятия Университета были освобождены пленники, арестованные военными утром, и среди них Анхель Пестанья, которому удалось остаться в живых; вероятно, мятежники его не узнали. В 15:00 того воскресенья немногие центры сопротивления находились в монастыре Кармелиток, Военном штабе и гарнизоне в Атарасанас. Капитуляция Управления военного округа должна была произойти с минуты на минуту.

«Генерал Годед, находившийся в Управлении, более вдохновляемый простой формальностью, чем надеждой на успех, сделал последнюю попытку. Он переговорил по телефону с генералом Арангуреном, напоминая тому о традиционном духе Гражданской гвардии. Но даже если бы генерал Арангурен и поддался внушению, этот звонок был лишён всякого смысла. Во-первых, генерал Арангурен не контролировал положение, а во-вторых, в рядах Гражданской гвардии многие заразились народным революционным энтузиазмом, нарушили дисциплину и, сбросив треуголки и короткие куртки, присоединились к рабочим.

— Генерал Арангурен, вы должны обратиться к Женералитат, чтобы она объявила капитуляцию населения: наши действия увенчались успехом.

— Я весьма сожалею, — ответил Арангурен Годеду, — но мои сведения отличаются от ваших: мне сообщили, что восстание подавлено. Так, я прошу вас прекратить огонь на тех участках, где он всё ещё продолжается, чтобы избежать бессмысленного кровопролития. Кроме того, довожу до вашего сведения, что мы приняли решение дать вам полчаса на капитуляцию. По прошествии этого времени наша артиллерия начнёт обстрел Управления...

Годед наверняка ответил бы ему грубостью, но Арангурен своим старческим голосом, не меняя выражения лица, без какого-либо признака раздражения вновь обратился с предложением о капитуляции с гарантиями сохранить жизнь осаждённых»¹⁹.

В 16:30 закончился данный срок, причём Управление не выказало ни малейшего признака капитуляции, и в этот момент начался обстрел — снаряды оказались красноречивее слов Арангурена.

С началом обстрела замешательство среди мятежников возросло. Высокомерие Годеда не имело предела, его «военное достоинство» страдало, ведь он был вынужден капитулировать перед людьми, которых называл «сбродом».

Буррьель, понимая, что сопротивление бесполезно, и не консультируясь с Годедом, который также не воспротивился, сообщил Департаменту внутренних дел о капитуляции Управления военным округом. Департамент приказал: вывесить белый флаг — и тогда будет отдан приказ о прекращении осады. Полковник Санфелис передал Годеду условия, и тот никак это не прокомментировал.

Департамент внутренних дел поручил команданте Интендантской службы Нейре гарантировать безопасность персонала Управления военным округом. Нейра в сопровождении отряда Штурмовой и Гражданской гвардий продвинулся через толпу. Но когда он приблизился к главному входу, с балкона открыли стрельбу из пулемёта — на землю упали первые жертвы. Этот абсурдный поступок возмутил людей. Они, не соблюдая условий капитуляции, бросились к входу с намерением расправиться с зачинщиками стрельбы, не уважающими обстоятельств сдачи в плен. Арестованные избежали линчевания благодаря вмешательству ряда находившихся там активистов. Также сохранили жизнь Годеду, потому что команданте Мосос д'Эскуадра получил приказ от Компаниса доставить генерала в Женералитат.

Когда Гоед и Компанис встретились, генерал получил инструкции обратиться по радио к продолжающим сопротивление с просьбой сложить оружие. Поначалу Гоед отказался, но Компанис настаивал — и тогда, поразмыслив, генерал произнёс ставшие историческими слова:

«— Судьба не содействовала мне — я попал в плен. Солдаты, сопровождающие меня! Если вы хотите избежать кровопролития, я снимаю с вас ваши воинские обязанности»²⁰.

Версия #1

Зверобой создал 17 июля 2025 13:06:51

Зверобой обновил 17 июля 2025 13:19:26